

ГЕРОИЧЕСКАЯ

ФАНТАСТИКА

МАРС НАШ!

ВАЛЕРИЙ
БОЛЬШАКОВ

Валерий Петрович Большаков
Марс наш!
Серия «Героическая фантастика»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18228556

Большаков В. Марс наш!: ООО «Издательство «Яуза»; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-85353-3

Аннотация

Наш ответ блокбастеру «МАРСИАНИН»!

2037 год. Мы – первые на Марсе!

С межпланетного корабля «Леонов» высажена научная группа, в долине Маринер разворачивается первая марсианская база. Это не нравится теряющей мировое господство американской «Империи добра», и она развязывает войну, используя проверенную методику: «безнаказанно расстреливать безоружных с безопасного расстояния».

Враги не учли одного: марсианская база «Королев» – это часть России, а русские умеют «драться за Родину»...

Первый роман о схватке за Красную планету между Россией и Соединенными Штатами.

Содержание

Глава 1. Casus belli	5
Глава 2. Старт	16
Глава 3. В штатном режиме	25
Глава 4. Таран	33
Глава 5. Дуэль	43
Глава 6. Туман войны	54
Глава 7. Порог безопасности	65
Глава 8. Летучий голландец	75
Глава 9. Корабль-призрак	85
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Валерий Большаков

Марс наш!

© Большаков В. П., 2016

© ООО «Издательство «Яуза», 2016

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Глава 1. Casus belli

Борт транспортного корабля снабжения (ТКС) «Аламо».

20 августа 2037 года

Луч лазера прошил корабль насквозь.

Сверхсолнечное жжение испарило обшивку «Аламо», она словно протаяла – и в пробоину с ревом устремился воздух, вытягивая в открытый космос тестеры, картриджи, исчерпанные листы, тубики с завтраком...

Родерика Хартнела спас блок компьютера – тот держался на присосках.

Могучая тяга сорвала прибор и с силою впечатала в борт, затыкая дыру.

Рев сразу стих, переходя в тонкий, режущий уши свист.

– Что за...

Хартнел поспешно отстегнулся, всплыл над креслом, протягивая руку за шлемом, и поспешно нацепил его.

Лязгнула, отворяясь, крышка люка. В командный отсек просунулся Энрике Фернандес.

Черноволосый, он был бледен до синевы, и смахивал на вампира.

– Родди! – крикнул он. – По нам стреляют! Бьют из лазеров!

– Кто?!

– Их не видно, маскируются!

– Радиограмму! На Землю! Быстро!

– А как?! Они антенну сбили!

– О-о, дьявол...

Корабль сотрясся, по отсекам прокатился грохот, тут же сменившийся жутким воем разгерметизации. Второе попадание...

Свет мигнул и потух.

– Всем в спасательную капсулу! – засуетился Хартнел. – Быстро, быстро, быстро!

Воздух, исторгнутый через пробоину, сработал как двигатель маневрирования – корабль «ушел в кувырок».

Сила инерции, будто исполняя приказ Родерика, мигом перекинула его через пульт с обзорными экранами и утянула к шлюзу.

Чувствительно приложившись спиной об люк переходного отсека, Хартнел торопливо разблокировал его.

– Фернандес! Мюллер! Кернс! Быстро, я сказал!

– Идем, командир! – откликнулся Энрике. – Пег ранен!

Замигал красный аварийный свет, и Родерик рассмотрел Ганса с Энрике, тащивших Пегготи Кернса.

– Что с ним?

– Попал под луч...

– Ч-черт... За мной!

Хартнел просунулся в переходник, добрался до стыковоч-

ного узла и набрал код.

– Ганс, люк закрой!

– Йа, йа... О майн готт...

Забравшись в спасательную капсулу, Родерик спешно активировал все системы, наплевав на обязательное тестирование – не до того.

– Укладывай, укладывай...

Пегготи жалобно застонал.

– Ганс, вколи ему обезболивающего!

– Найн. Нельзя – сердце не выдержит.

– Ч-черт... Приготовиться к старту! Расстыковка!

– Команда на расстыковку подана.

Старенькая капсула «Орион», похожая на притупленный конус, вздрогнула.

Медленно круживший «Аламо» придал ей ускорения, посылая, как из катапульты, и «Орион» поплыл, удаляясь от ТКС.

Неприятная мысль посетила Хартнела: а кто ему сказал, что неизвестные, обстрелявшие корабль, пощадят «спущенную шлюпку»?

«Поживем, увидим, – насупился Родерик. – Если доживем...»

– Старт!

Негромко зашуршали двигатели, «шлюпка» стала удаляться, вот только куда скроешься в космическом пространстве?

Одна надежда, что их долго-долго не будут замечать, позволяя удалиться за пределы действия локаторов...

Глупая надежда.

Хартнел поискал на экране Землю.

Вон она – маленький голубенький серпик.

Господи, далеко как...

Пегготи издал громкий стон, обрывая пляшущие мысли.

– Я их вижу! – воскликнул Фернандес. – Боже праведный, это же наши!

– Что значит – наши?

– Да «Энтерпрайз» это! На нем Блайн командиром, я его знаю! Надо немедленно связаться с ними, объяснить...

– Что ты собираешься объяснять киллеру, идиот?! – заорал Родерик – Наши? Прекрасно! Вот они тебя и прикончат! По-нашенски!

– Это же ошибка, какое-то дикое недоразумение...

– Это подстава, Энрике. Сто процентов...

– О майн готт...

Хартнел приник к экрану, ощущая себя голым на пустынной площади – ни убежать, ни укрыться.

А убийца – вот он, подходит не спеша, ухмыляется, помахивает «кольтом»...

Черт! Черт! Черт!

Хартнел навел оптику, чтобы получше разглядеть «наших».

Да, это был «Энтерпрайз».

Только какие-то длинные штуки приделали к корпусу, типа тонких решетчатых мачт, торчавших во все стороны.

У четырех мачт на концах серебрились большие оребренные цилиндры, похожие на бочки из-под солярки.

На двух стойках этих «бочек» не было.

В мозгу у Родерика закопошилось понимание.

Два попадания... Две «бочки» – два попадания.

Еще одна сработает, и пипец «Ориону»...

Спасательная капсула успела удалиться на несколько километров, когда «Энтерпрайз» начал неторопливую погоню.

Разбитый «Аламо» в это время плавно вращался, сверкая на солнце и выказывая страшные, обгорелые зияния в борту.

Двигательный отсек с виду не пострадал, но отчего же подрагивала картинка?

Да он накаляется! Видать, реактор пошел вразнос...

Оболочка, прикрывавшая двигатели, медленно вздувалась пузырями, ее вело и корежило.

Росли темные пятна, сливались, и уже пробивалось малиновое свечение.

Не выдержав нагрева, лопнул бак с аммиаком, и корма «Аламо» скрылась в полупрозрачном облаке.

– Догоняет... – проскулил Фернандес.

– Бойтся сделать промах, – выцедил Родерик. – Хочет, чтобы уж наверняка...

– Ракета, Родди! – подскочил Энрике. – Они выпустили по нам ракету!

– Да где ты ее видишь?

– На локаторе!

Хартнел, поминая дьявола, глянул на противометеоритный локатор.

Вот она...

Скорость у ракеты класса «космос – космос» была невелика по сравнению с метеоритами.

– Попробую увернуться!

Родерик прикинул траекторию ракеты и врубил пару двигателей коррекции.

Те зашипели, отклоняя «Орион».

Медленно, Иисусе, до чего ж медленно!

Ракета, похожая на ядро с прицепленными движками, пролетела мимо.

– Не попала! – возрадовался Фернандес. – Не попала!

А реактивный снаряд описал дугу и понесся обратно, настигая цель «в лоб».

– Родди!

– Да вижу я...

Хартнел выждал пару секунд, шепча: «Тысяча раз... Тысяча два...», и дал импульс из маневрового.

Этот был посолиднее двигателя коррекции – «Орион» ушел с линии огня со скоростью пешехода.

Ракета унеслась, минуя капсулу, обратно к «Энтерпрайзу».

– Попади! – взмолился Энрике. – Попади!

Но нет – зачастили вспышки автоматической пушки, и ракета рванула, вспухла клубом подсвеченного дыма и будто растаяла в черноте.

А пушка заработала снова, выпуская длинную очередь.

Стреляли с упреждением, поэтому Родерик затормозил «Орион», а потом вернул его на прежнюю траекторию.

Цепочка зловредных снарядиков промахнула рядом, ощущаемая лишь локатором, на экране которого пару раз мигнуло красным: «Метеоритная атака!»

Если бы...

Сгинуть от метеорита было бы не так обидно и стыдно.

Астронавт должен быть готов ко всем опасностям космоса – к перегрузкам, к разгерметизации и вакууму к испепеляющей жаре и ледяному холоду к радиации и метеоритам.

Но не к подлому расстрелу!

– О майн готт... – вздохнул Ганс.

– Что еще? – буркнул Хартнел, не спускавший глаз с силуэта «Энтерпрайза».

– Пег умер...

Родерик перекрестился, даже не взглянув на Кернса.

– Скоро наша очередь... – выдавил Энрике жалкую улыбку.

– Перестань!

– А я так и не помирился с Долорес...

Хартнел свирепо засопел.

– Ганс! Дай водички! Продуктовый ящик рядом с тобой.

– Йа, йа... Воды мало, командир.

– Нам хватит, – криво усмехнулся Родерик.

Он вдруг остро ощутил невесомость.

Теперь она была и в его душе, грешной, запятнанной проступками и незаслуженными обидами, которые он причинял жене, сыну, матери, отцу...

И ничего уже не исправишь...

Пока человек жив, он наивно полагает, что способен планировать свое житие, в нем крепко убеждение: все еще можно исправить, переиграть!

Перед кем-то извиниться.

Поцеловать жену.

Взять на руки ребенка и уверить, что папа его любит.

Но когда ты играешь в жмурки со смертью и осознаешь, что выигрыша у тебя нет, и не будет...

Вот тогда и родится внутри отчаяние и безысходность.

Чего же он тогда увертывается?

Взял бы, да и подставил «Орион» под ракету, чтобы сразу – вдрызг...

А привычка такая – жить.

Глупая привычка...

Мюллер протянул Хартнелу бутылочку с водой.

Родерик открыл ее одной рукой и выцедил разом.

Полегчало.

«Энтерпрайз» шел, не отставая, словно выжидая чего-то.

Может, командир ТМК запрашивал дальнейших указа-

ний?

Добивать ли «Орион», или пускай болтается в космическом пространстве?

А что? Кислороду – мизер.

Они в «шлюпке» и суток не продержатся.

А спасти их некому.

Свои, вон, со свету сживают...

Неожиданно «Энтерпрайз» ускорился, стал вырастать на обзорном экране.

К сожалению, спасательная капсула не могла повысить свою скорость.

Были бы планетарные движки, как на русской капсуле, врубил бы их для ускорения, а так...

«Орион» приводняется на парашюте.

Да и толку от тех движков...

Хартнел похолодел – он ощутил, что сердце отбивает последние удары.

В следующее мгновение глаза Родерика уловили ярчайшую вспышку.

И это было последнее впечатление в его жизни – луч рентгеновского лазера пробил «Орион» насквозь.

«Уорлд Таймс», Нью-Йорк:

«Москва в очередной раз продемонстрировала азиатское варварство – 22 августа, ровно в полдень по Гринвичу, тяжёлый межпланетный корабль (ГМК)

«Леонов» из состава российских военно-космических сил, вооруженный боевыми лазерами, ракетами и безоткатными пушками Нудельмана¹, атаковал мирный космический корабль «Аламо», уничтожив его.

Транспортный корабль снабжения «Аламо» осуществлял доставку груза для базы НАСА «Порт-Годдард» (Марс, Долина Маринер).

Уже выйдя на возвратную траекторию к Земле, безоружный и беззащитный, он подвергся вероломному нападению, хотя Кремль, как всегда, отрицает факт обстрела.

Мировое сообщество возмущено этим преступлением против человечности и требует положить конец произволу русских».

«Норт-Америкен икзэминер», Нью-Йорк:

«Сенатор Маклейн, выступая в Лаборатории реактивного движения Пасадена, призвал администрацию США дать отпор стране-агрессору.

«Давно пришло время посадить русского медведя в клетку! – заявил он. – Если мы хотим, чтобы космос был мирным, нужно применить силу!»

«Европейский Информационный Центр», Брюссель:

¹ Непонятные слова и выражения автор поместил в краткий глоссарий, чтобы не отвлекать внимание читателя сносками. Глоссарий находится в конце книги.

«Президент Соединенных Штатов Хайме Фуэнтес подверг резкой критике военные действия в космосе, повлекшие за собой гибель американских граждан, и призвал все цивилизованные страны сплотиться против новой угрозы.

Президент также выразил соболезнование семьям погибших астронавтов: Родерика Хартнела, командира; Энрике Фернандеса, пилота; Пегготи Кернса, специалиста полета; Ганса Мюллера, специалиста по полезной нагрузке.

«Мы помним и скорбим, – сказал «Первый Сеньор». – И не простим смерти наших парней».

«Russia Today», Москва:

«Президент России Георгий Анатольевич Жданов заявил на пресс-конференции в Кремле, что считает инцидент с кораблем «Аламо» провокацией и жестоким спектаклем, разыгранным в космосе.

«Я уверен, – сказал он, в частности, – что режиссеры данной трагедии сидят в Белом доме и в Лэнгли, а продюсировали их те четыреста олигархов, которые правят Америкой. Им все нейметя, им не по нутру, что центр силы, богатства и власти сместился с Запада на Восток. Надеюсь, «загнивающий империализм» станет хорошим удобрением...»

Глава 2. Старт

*Земля, Евразийский Союз, Казахстан, Байконур.
Июнь 2037 года*

– Экипаж ТМК «Леонов» к полету готов! – доложил Николай Воронин.

Проговаривая чеканную фразу Воронин, как в песне поется, был счастлив и горд.

Рапортовать могли лишь командиры кораблей.

Вот и он дослужился до этого высокого звания...

Председатель госкомиссии, чувствуя состояние Николая, улыбнулся:

– Желаем вам успешного полета и благополучного возвращения на Землю.

Экипаж вышел из скафандровой и потопал к электробусу.

Вместе с Ворониным их было четверо. Рядом с Николаем шагал штурман – здоровенный Генка Царев, а догонял чернявый суетливый, юркий Ашот Подолян, бортинженер.

Еще один член экипажа, пилот Лю Гуань-чэн, дожидался их на первом модуле ТМК «Леонов», уже выведенном на орбиту.

Осталось вывести второй, чем они и займутся в самом скором времени.

Весь состав 7-й марсианской экспедиции – восемь канди-

датов и докторов наук – уже сидели в салоне, громко переговариваясь и делясь впечатлениями.

На их фоне даже Царев выглядел старым космическим волком.

– Как самочувствие, штурман? – спросил Николай.

– Как бы приподнятое, командир! – искренне ответил Геннадий.

– Ашот! Долго тебя ждать?

– Иду, иду!

– Идет он... Все здесь?

– Все!

– Грузимся!

Экипаж расселся, и электробус тронулся с места, стал набирать скорость.

Новый Ленинск – зеркальные усеченные пирамиды и крутые белые купола – они быстро проехали, и за окном потянулись старые пятиэтажки с тополями, высаженными вдоль улицы.

А потом открылась голая степь.

– Чтобы вы просто понимали, – сказал Подолян, – здесь по весне красиво, когда тюльпаны цветут, и все такое...

Но Воронин его не слушал.

Он и смотрел не на степные просторы, а на стартовые установки, колоссальными металлическими цветами распускавшиеся у горизонта.

На Байконуре он был впервые, раньше получалось старто-

вать либо с Восточного, либо с бразильской Алькантары. По одному разу с космодрома Куру и с Оверберга, что в Южной Африке.

А тут – гагаринские места!

Воронин повернулся к Даниэлю Пратту космонавту-исследователю из ЕКА.

Программа полета ТМК «Леонов» включала в себя доставку людей и груза на базу «Королев», затерявшуюся в Долине Маринер, плюс посещение астероида Цверг, чья орбита пролегла рядом с марсианской.

По наблюдениям астрономов, на Цверге имелись всамделишные золотые горы, как на Амоне, а также платиновые и палладиевые.

Именно к Цвергу ЕКА направлял корабль «Терра-2», пропавший без вести.

Вот на Пратта и возложили печальную миссию: разобраться на месте, что же случилось с экспедицией, найти сам корабль или временную станцию на Цверге.

Расположение планет было удачным, и Управление космических сообщений РФ решило просьбу ЕКА удовлетворить – включить «спасьонавта» в состав 7-й марсианской.

– О чем задумался, детина?

Пратт улыбнулся.

– Я не думаю, – сказал он, – я набираюсь впечатлений. Красота-то какая!

– Лепота! – поддержал его Николай.

Электробус приблизился и проехал мимо стартового стола – исполинского, циклопического сооружения, нужда в котором проста – отводить огонь и газы, вырывающиеся из сопел ЖРД.

И еще, и еще стартовые пункты – для «Энергии», для «Союзов» и «Протонов», для «Руси» и «Ангары».

Ракета-носитель Н4 «Раскат» покоилась на площадке № 110, удерживаемая гигантской башней обслуживания, похожей на угольник высотой с 50-этажный дом.

Царь-ракета!

– Какая огромная... – пробормотал Леонид Гоцман, хирург, терапевт, психолог – медик на все руки.

Стартовики в синих комбинезонах открыли дверцы подъемника.

– Заходим.

Поднявшись на лифте к самому верху, Воронин вышел на площадку, откуда был виден весь Байконур, но смотрел он на ракету, необъятную и неохватную, грозную в своей мощи.

– Лепота!

Николай хотел похлопать ладонью по теплому боку «Раската», но не решился на святотатство – погладил только.

За обтекателем покоился второй крупноблочный модуль корабля «Леонов» весом 150 тонн – МОК, марсианский орбитальный корабль, в связке с МПК – марсианским посадочным комплексом.

Это будет носовая часть «Леонова».

Первый модуль, кормовой – с ядерным двигателем, топливными баками, полными атомарного водорода, и прочим хозяйством – уже кружил по «монтажной» орбите.

– Чтобы вы понимали, занимаем места согласно купленным билетам! – сказал Подолян, отпирая внешний люк в манере проводника вагона.

– Чучело... – вздохнул командир.

Все чинно проследовали в МОК.

Отсеки тут располагались в семь этажей.

Верхним был отсек ОДУ – объединенной двигательной установки, пилоты нежно звали ее «одуванчиком».

Ниже шли кают-компания, жилой отсек, грузовой, лабораторный.

Рабочий и приборно-агрегатный отсеки находились в кормовом модуле, дожидавшемся «воссоединения» в околоземном пространстве.

Пассажиры обеспокоились было, всем ли хватит места.

Хватило.

– Готовность пятнадцать минут!

Воронин, Царев и Подолян перешагнули высокий комингс пилотской кабины.

– Ключ на старт! – послышался в наушниках голос руководителя пуска.

– Есть ключ на старт! – Это уже компьютер отрепетовал.

Вышколили его тут.

И правильно. Нечего машины распускать...

– На борту порядок, – солидно доложил Николай. – К старту готовы.

– Внимание! Все предстартовые команды прошли!

Воронин шустро занял место командира и пристегнулся.

Кресло плавно наклонилось, опуская человека в положение полулежа.

Николай лежал и поглядывал на пульт справа, где радостно горел розовый огонек, заговорщицки подмигивал зеленый и неуверенно подрагивал желтый столбик, колеблясь у белой единички.

– Протяжка один!

– Есть протяжка один!

Сейчас датчики контрольной системы шарили по всем системам, вынюхивая наиничтожнейший разлад. Мало ли...

– Продувка!

– Есть продувка!

Где-то под МОКом, в утробе «Раската», зачмокали пневмоклапаны, прошипел, просвистел по магистралям аргон.

– Ключ на дренаж!

– Пуск!

– Протяжка два!

– Есть протяжка два!

«Лучше перебдеть, чем недобдеть. Правильно...»

Николай поймал себя на том, что бессознательно напрягает мышцы, и расслабился.

Две минуты до старта! Полторы минуты. Одна...

– Контакт «Земля – борт»!

– Зажигание!

– Пять... четыре... три... два... один...

– Старт!

Ракета вздрогнула, по стенкам МОКа потек глухой грохот чудовищных двигателей.

Степь на обзорном экране тронулась и стала медленно уплывать вниз.

Ракета закачалась вправо, влево, как будто теряя равновесие, зависла на пару секунд и пошла, пошла вверх.

– Поехали! – удовлетворенно сказал Ашот.

– Тоже мне, – фыркнул командир, – Гагарин нашелся!

Грохот перешел в оглушающий рев, Воронина ощутимо прижало к креслу.

А скорость росла и росла, перегрузка давила и давила, засты свет, оттягивая щеки.

Глаза застлала красная пелена, голова закружилась, стало трудно дышать.

– Подпрыгивает ракета... – выговорил Николай.

– Тангаж и рысканье в норме... – просипел Подолян.

– Полет устойчивый... Давление в камерах сгорания – в норме.

Лишние «же» наседали, подступила боль в пояснице и затылке, мягчайшая подушка еще больше просела в подставку амортизатора.

Незаметно отошли ракетные модули первой и второй сту-

пеней, выпустили крылья и потянули «домой».

Третья и четвертая ступень, отделяясь, прилично били под зад.

– Есть сброс обтекателя!

– Триста двадцать секунд полета. Давление в МОКе без изменений.

– Активный участок полета завершается.

Небо потемнело, стало синим, как в сумерки.

А Земля зримо округлилась, показала край.

Загорелись первые звезды.

Несильный толчок качнул выводимый «груз».

– Есть отделение корабля от носителя!

Разогнанный модуль ТМК «Леонов» неся сам, своими хилыми силенками одолевая последний рубеж, дотягивая до первой космической.

И вот сплошная чернота вверху и сияющий голубой шар внизу.

– Пятьсот тридцать секунд полета, – скучно констатировал Воронин. – Корабль вышел на орбиту.

«Жэньминь жибао», Пекин:

«Как нам сообщили в Китайском национальном космическом управлении, закладка первой базы на Марсе произойдет уже в этом году.»

В настоящее время ТМК «Янцзы» готовится к старту, в состав марсианской экспедиции войдет

шесть человек во главе с известным тайкунавтом Чжаем Цзюньлуном, а также четыре представителя стран БРИКС – численность уточняется.

Первоначально база будет состоять из четырех гермокуполов, теплицы, плантации хлореллы и бункера для мобильного энергоблока российского производства.

Поскольку китайская база расположится в Долине Маринер (каньон Мелас Чазма), где уже находятся русская и американская базы, названные в честь основоположников ракетостроения, то мы продолжим эту традицию. База КНР получит название «Цянь» – в честь Цяня Сюэсэня, «отца китайской космонавтики».

Глава 3. В штатном режиме

Борт ТМК «Леонов»

Модуль летел на высоте двести с лишним километров, и Земля вовсе не воспринималась шаром – слишком огромна была планета. Казалось, что МОК с МПК стоят на месте, а земная поверхность прокатывается понизу, демонстрируя все свои красоты и прелести.

– Лепота! – искренне выразился Воронин. – Скажи?

– Так точно, – улыбнулся Царев.

– Идем в графике, все в норме, – доложил Ашот.

– Первый маневр уже сделал? – спросил Воронин.

– Чего? Ну, да...

– Не тупи!

– Первый двухимпульсный выполнил точно, – отрапортовал Подолян. – Ориентацию выполнял в режиме «Импульс РО экономичный». Сейчас все три параметра по нулям.

– Отлично.

– Цель расположена на четыре клетки вверх, точно по центру.

Фон бездонной черноты разнообразил «кормовой» модуль «Леонова», блестящей елочной игрушкой висевший на созвездии.

Корма ТМК, как и нос, впрочем, представляла собой на-

бор цилиндров разного размера, дисков и усеченных конусов, собранных вместе, как детская пирамидка.

Посередке торца «пирамидки» корячился стыковочный узел.

К нему и направился «носовой» модуль.

На пульте замигало табло «Исходное стыковки» и тут же заговорил коммуникатор:

– Корма «Леонова» вызывает нос! – зазвучал веселый голос сменного пилота. – Как жизнь? То есть я хотел сказать: режим сближения – в норме!

– Маневр проходит штатно, – официальным голосом ответил Воронин. – Корабль готов к стыковке.

– Зануда ты, Колян! – пожаловался пилот. – Есть зависание. Набирается скорость...

– Двигатель включился на гашение «бока». Есть гашение боковой...

– Готов принять швартовы!

– Блин, стыкуемся когда – по сопатке заеду! – пообещал командир.

– О! – восхитились на корме. – Ужель возвышенные речи толкует друг мой Николай?! Э-э... Дальность сто шестьдесят метров. Летим в режиме зависания.

– Крен выбери, летун!

– Переходим к причаливанию... Есть выравнивание крена.

– Дальность сто метров. Цель точно в перекрестье визира.

– Подходим. Дальность сто метров. Скорость ноль семь.

– Дальность пятьдесят метров. Прошло включение двигателя на торможение.

Подрабатывая движками маневрирования, нос вплотную приблизился к корме.

– Зона торможения... Есть захват! Ожидаем касания...

– Есть касание! Хорошее касание, четкое. Горит стык!

Есть сцепка!

Модуль трянуло, но не сильно.

– Есть обжатие стыка, закончилась герметизация стыка!

Есть стыковка!

МОК вздрогнул.

– Щас я тебя встречу! – расплылся в улыбке Воронин и пошагал к переходному отсеку, громко цокая магнитными подковками.

Отворился люк, и показался сменный пилот, всегда улыбающийся Лю Гуань-чэн.

– Ниньхао! – воскликнул Царев.

– И вам не хворать! – ответил Гуань-чэн на совершенном русском.

– Се-се! – церемонно сказал Подолян, исчерпав свои познания в китайском.

– Топай давай, – пробурчал Воронин, хлопая Ашота по спине.

От дружеского тычка бортинженер первым проник на борт собранного «Леонова».

Вернее, влетел – невесомость же.

– Ты когда начнешь по-строевому шпарить? – грозно спросил Николай. – А, морда китайская?

– Учусь, однако, морда русская! – парировал Лю и преданно вытаращился.

На этом межэтнический конфликт был исчерпан.

Гуань-чэн засуетился, толкаясь между пассажиров, и сделал широкий жест:

– Проходите, будьте как дома!

Пассажиры прошли, столпились в рабочем отсеке и поняли, что сменный пилот шутил.

– Чучело, – проворчал Воронин. – Возвращайтесь в жилой отсек или в кают-компанию. Через двадцать минут стыковка с разгонным блоком. Штурман, пассажиры – на тебе.

– Так точно! – ответил Царев, некогда ушедший на дембель в звании сержанта морской пехоты.

Армейщина до сих пор не выветрилась из него...

А командир решил обойти вверенный ему корабль.

Клацая магнитными подковками, он шагал из отсека в отсек, ныряя в узкие люки, снисходительно поглядывая на взбудораженных пассажиров.

«Марсиане» испытывали постоянное, нескончаемое счастье – все их желания были выполнены и перевыполнены.

Они летят на другую планету.

Офигеть!

А оставленный дом крутится, вертится на обзорных экра-

нах – бело-голубой шарик, выточенный на вселенском станке, красивый и блестящий. Вон как блик переливается на синем боку, где Великий или Тихий мокрой пленочкой покрыл твердь...

Картинка!

Воронин заглянул в капитанскую каюту.

Она была тесна, как шкаф-купе – откидная койка, выдвижной столик под экраном-обзорником и узкий проход к двери.

Танцевать сложно.

Николай развернулся и пошагал обратно анфиладой отсеков.

Было тихо.

В корабле никогда не бывает полной тишины – постоянно шумят вентиляторы и кондиционеры, пиликают компьютеры, мерно гудит двигатель, громко клацают магнитные подковки на башмаках. Но к этим шумам постепенно привыкаешь и перестаешь слышать.

На вахте бдели Царев и Лю.

– Старт-программа как бы готова, – сказал Геннадий.

Николай кивнул.

– Вводи.

Царев ввел курсовую программу в корабельный комп.

– Разгонный блок пристыкован, – доложил Гуань-чэн.

– Уже? – удивился командир. – Отлично. Приготовиться к старту!

- К старту готовы!
- Двигатели на разгон!
- Есть двигатели на разгон!
- Старт!

Часом позже, когда разгонный блок отстыковался, Земля сдулась на экранах до величины волейбольного мяча, а Луна уже не влезала по диагонали – теперь к кораблю приближался не сине-белый диск, а серовато-жемчужный, отливающий серебряным расплавом шар, рябой от кратеров и скал.

«Леонов» проходил у Южного полюса Луны.

По идее корабль находился под Луной, но это в голове не укладывалось – естественный спутник Земли не нависал над ТМК, а вращался под ним густо кратерированной громадой.

Сверкали, пропадая за рамкой экрана, зубцы цирка Клавий. Буллиальд уже отсверкал...

Понизу тянулись цирки, разломы, скалы, осыпи...

В лунных полярных широтах свет падает сбоку, и крошечные тени тянулись на километры.

Гребни кратеров сияли ртутным блеском – белокальный архипелаг в чернотном море мрака.

Солнце там никогда не скрывается за горизонтом – вечный день. Выставляй солнечные батареи и трать киловатты на что хочешь...

Воронин отвернулся от товарищей, чтобы они не видели, как он довольно улыбается.

Рейс начался.

ТМК выходил на параболическую траекторию, где ядерный двигатель должен будет разогнать «Леонова» до 16,7 километра в секунду.

Этой скорости хватит, чтобы ровно за 70 суток долететь до финиш-планеты.

До Марса.

Сообщение агентства «Синьхуа»:

«Тяжелый межпланетный корабль «Янцзы» стартовал с орбитальной станции «Тяньгун» по направлению к Марсу.

На борту корабля – экипаж: и четырнадцать членов экспедиции, задача которых – строительство объединенной базы БРИКС на Марсе, в районе Лабиринта Ночи.

Как подчеркивается в решении правительства по этому вопросу, Китай не отказывается от создания национальной базы «Цянь» в каньоне Мелас Чазма, но сроки ее создания будут несколько сдвинуты и начнутся не ранее 2045 года.

Что же касается возведения объединенной станции, то оно развернется на новой русской станции, где уже готов фундамент – это вклад России в общее дело.

Совместно с российским правительством разработан проект совместного предприятия на базе месторождения тяжеловодного льда в непосредственной близости от новой станции.

Таким образом, строительство базы, которую

решено назвать «Порт-Арес», а также завода по производству дейтерия будет идти одновременно.

Участие в проекте на первоначальном этапе примут Россия, Китай, Индия, Бразилия, Иран и Турция. В дальнейшем на базе «Порт-Арес» появятся выходцы из Аргентины, ЮАР, Индонезии и Малайзии».

Глава 4. Таран

*Борт ТМК «Леонов» Земля – Марс. 59-й день полета.
22 августа 2037 года*

Странное чувство испытывал Николай – даже не оторванности, а нечто более значимое.

Ведь любая чужбина всегда вызывала ностальгию по родному дому хотя дом этот располагался на поверхности того же самого шара, что и чужая земля, не-родина.

А теперь он находится и вне дома, и вне планеты.

В Воронине впервые зарождались ростки нового отношения к вопросу «свой-чужой» – у него появилась родная планета...

Где Земля, там и дом.

И какая разница, стоишь ли ты на пороге его или бредешь в тысяче миль от порога?

Тысяча – это такая малость...

Особенно, если сравнивать с мегаметрами космических трасс.

Воронин усмехнулся – в бездонной черноте мирового пространства волей-неволей на философию потянет, на возвышенные размышлизмы о тщете всего сущего.

Жаль, конечно, что он, сделав суровое лицо, не ведет исследовательский корабль на штурм неизвестного, а рулит

обычным грузовиком.

Вот только какая разница?

Неведомое ли ждет его или разгрузка пищевых рационов, приборов и прочего барахла на базе «Королев», за бортом – одно и то же.

Немигающие звезды. Голое Солнце. Бесконечность.

Дешифратор рации замигал зеленым огоньком, отрывая от дум, и хорошо поставленный голос произнес:

– Космический корабль «Энтерпрайз» вызывает ТМК «Леонов». Ответьте, пли-из!

Николай прижал усик микрофона и сказал:

– «Леонов» на связи.

– О'кей! С кем я... мнэ-э... разговариваю?

– Командир корабля Николай Воронин.

– Гуд. Меня зовут Блайн, Ралстон Блайн. Можно просто Ралс. Господин Воронин, члену нашего экипажа стало... мнэ-э... плохо. Ему срочно требуется арадиатин. Вы не поделитесь?

– Ну, конечно, Ралс. А сами-то вы где?

– Гелиоцентрические координаты...

Царев вывел цифры на монитор.

– Это как бы рядом – десять мегаметров!

– Отлично. Берите наши пеленги, – сказал Воронин. – Надеюсь, у вас есть запас свободного хода?

– О, йес! Йес! Сейчас мы... мнэ-э... рассчитаем новую траекторию и будем вас погонять... Сорри! Догонять!

– Догоняйте, догоняйте...

Несколько часов спустя «Энтерпрайз» был уже различим на экране сканера, походя на снежинку – поперек длинного и узкого корпуса торчали решетчатые кронштейны, длинные и тонкие.

Половина кронштейнов была увенчана непонятными цилиндрами-бочонками, а остальные три, погнутые и перекрученные на концах, ничего не несли.

«Может, у них авария? – подумал командир ТМК. – Чего молчат тогда?»

– Ашот! Приготовил арадиатин?

– Чичас! – отвечивал Подолян.

– «Чичас»... – проворчал Воронин. – Чучело...

Штурман фыркнул со своего места.

Вскоре явился малость запыхавшийся бортинженер.

– Вот! – Он гордо продемонстрировал упаковку снадобья.

– Гуань-чэн спит?

– Храпит!

– Ну, ладно. Сколько там? У-у ему еще два часа до смены...

Неожиданно все обзорные экраны залил ослепительный свет.

Корабль сильно вздрогнул, а из отсеков накатила грохот, переходящий в чудовищный рев.

На пульте замигало табло: «Разгерметизация в рабочем и лабораторном отсеках!»

– Это атака! – завопил Подолян.

Подпрыгнув от неожиданности, как испуганный кот, бортинженер оторвал магнитные подковки от пола и завис в воздухе.

– Скафандры! – рявкнул Воронин. – Мухой! Упакуешься и мне пустотник притащишь!

– Чичас я!

– А ты чего сидишь?

Генка кинулся следом за Ашотом.

– Глянь, как там пассажиры!

– Так точно!

Ашот, цепляясь за скобы, ловко выплыл из пилотской кабины в коридорный отсек.

Оттуда несло пронзительное шипение уходящего воздуха, что-то трещало и сыпало искрами.

Воняло горелой изоляцией и едким смолопластом.

– Гадство! – прошипел Николай.

Арадиатину значит, вам? С-суки...

Обзорные экраны вырубил, и Воронин приник к маленькому круглому иллюминатору.

У Николая еще теплилась завалыщенькая надежда, что вспышка – это авария, а не нападение.

Параллельным курсом, задом наперед, двигался белый «Энтерпрайз», похожий на гантель – шаровидная жилая гондола в носу связывалась с хвостовой частью длинной штангой.

Ядерный двигатель на оконечности кормы прятался в тень округлого бака с атомарным водородом, а между ним и головной частью растопырились те самые кронштейны.

И уже лишь на двух из них сверкали ребристые бочки, набитые тонкими металлическими стержнями.

А еще один кронштейн гнулся на глазах, оплавленный на конце и калившийся красным.

– Чтоб вы все попередохли... – медленно проговорил Воронин.

Ему стало ясно, какой такой бочкотарой затоварился американский корабль. Это были рентгеновские лазеры с ядерной накачкой!

Николай метнулся за пульт, оживляя экраны.

Видимо, килотонный подрыв «погасил» визиры, ну так есть запасные...

И пяти секунд не прошло, а пара обзорных экранов уже расцвела всеми красками космического простора.

Повключав нужные двигатели коррекции, Воронин добился того, что «Леонов» стал медленно вращаться, как гигантский пропеллер.

А как еще увести корабль из-под обстрела?

«Двигатель на разгон»? Что смеяться...

Луч догонит.

Николай метнулся к рации и хлопнул ладонью по красному «грибку».

– Корабль «Энтерпрайз» обстрелял наш ТМК лазерами

с ядерной накачкой! – затараторил он, отсылая экстренную радиограмму. – Мы маневрируем, чтобы...

В это самое мгновение за бортом вспыхнул ослепительный шар огня, заливая бледно-фиолетовым светом мировое пространство.

Это сработал пятый лазерный модуль.

Луч в вакууме был не виден, зато попадание выглядело эффектным.

Лазер ударил по центральной части ТМК, испаряя тарелку антенны, а заодно раскурочивая сам корабль – переходный отсек лопнул, и хвостовая часть корабля начала медленно уходить вбок.

Все, связь с Землей накрылась.

И снова вспышка!

Призрачный ярчайший свет залил кабину через крошечный иллюминатор, как будто через сопло.

Шестой модуль. Отстрелялись, гады.

А кому ж, интересно, достались три первых импульса?..

Проморгавшись, Николай снова приник к экранам.

Ага! Промахнулись!

Видать, америкосы целились в двигатель, да ничего у них не вышло, только сферобаллон задели.

Хм, не только...

Несколько табло на контроль-комбайне погасли.

Не дай бог что-нибудь серьезное...

Дурак! Телеметрии-то нет.

– Сволочи! – выцедил Воронин, чувствуя унижительную беспомощность.

Все оружие «Леонова» заключалось в табельном пистолете командира корабля – его выдавали по давней традиции.

А в грузовом отсеке – двадцать тонн самого нужного для базы «Королев»...

Ну не сволочи разве?

Издавая стуки и грохоты, роняя что-то по дороге, в вырез люка вплыл Ашот.

Уже в серебристом пушечном скафандре, он волок за собой еще один такой.

– Облачайся, – глухо сказал Подолян.

– Гуань-чэн где?

– Убили Гуань-чэна...

Командир корабля ничего не ответил.

Он аккуратно, как учили, напялил на себя вакуум-скафандр – из-за резко упавшего давления руки покрылись пузырьками.

– Чтобы ты понимал, жилой отсек – вдрабадан, – доложил Ашот. – В рабочем – пробоина с этот люк...

Машинально кивнув, Воронин встал за пульт, цепляясь за пол магнитными подковками – сесть в пустотнике не получится.

Ногами вперед занырнул Царев.

– В живых как бы Гоцман, Зайченко, Кравцов, – выдавил он. – Пратт тяжело ранен. Остальные... Как сказать... «Груз

Николай тоскливо выматерился.

– Бортинженер, – сказал он сухо, – живо за контроль-комбайн!

– Ага! – отозвалось в наушниках.

«Энтерпрайз» был совсем рядом, ближе ста метров.

На его топливном баке, схожем с железнодорожной цистерной, четко выделялось: «United States» и «NASA».

Ниже, для самых тупых, был намалеван звездно-полосатый флаг.

Туда-то он и будет метить...

– Штурман! На пост.

– Есть!

– Поможешь мне с ориентацией.

– Так точно...

Прищурившись, Николай смотрел на вражеский корабль.

Его прапрапрадед был летчиком в Великую Отечественную, а когда самолет подбили фашисты, он пошел на таран...

– Главный компьютер!

– Норма! – поспешно отозвался Ашот.

– Система орбитального маневрирования.

– СОМ – норма... Только здесь, которые!

– Что ты тупишь? – сказал Воронин раздраженно.

И так ясно – хвостовые позади кувыркаются...

Слабые импульсы движков коррекции развернули «Леонов» носом к «Энтерпрайзу».

– Уровень топлива СОМ?

– Восемьдесят процентов.

Пробежавшись по клавишам пульта, Николай включил маневровые на максимум.

Тяга, конечно, слабенькая... Ну, хоть такая.

Туша корабля стронулась с места, медленно поплыла, нацеливаясь на топливный бак.

Разогнавшись до скорости велосипедиста, «Леонов» врезался носом в емкость, пропарывая гофрированную обшивку.

Корабль сотрясся.

Атомарный водород хлынул из прорыва вскипающей волной, забурлил, клубясь и вытягиваясь белесым облаком.

– Двигатели стоп!

Но инерция все вела и вела корабль, толкала и толкала его, разворачивая и разрывая стенки топливного бака, задевая шарообразный резервуар с жидким кислородом.

Тот лопнул.

Ручьи парящей голубоватой жидкости влились в водородное облако.

Осадив и отведя «Леонов», Воронин любовался делом своих рук.

– Долетались, суки?!

«World Times», Нью-Йорк:

«Администратор базы НАСА «Порт-Годдард»

Айвен Джереско выразил серьезную озабоченность тем обстоятельством, что само расположение научного городка вблизи (по марсианским меркам) «Королева» представляет угрозу для его населения.

«Персонал вверенной мне базы, – признается мистер Джереско, – практически не защищен от враждебных действий русских. Они могут напасть в любой момент, занять «Порт-Годдард», убивать, грабить и насиловать, а мы окажемся совершенно беззащитными. Необходимо срочно разместить гарнизон космопехоты, чтобы наши инженеры и ученые могли спокойно жить и работать».

Генерал военно-космических сил США Вэнкаутер Фокс сообщил, что данный вопрос будет рассмотрен со всей возможной серьезностью.

«Мы не позволим агрессорам перенести развязанную ими войну на Марс, – заявил он, – и сделаем все, чтобы сохранить мир и спокойствие!»

Глава 5. Дуэль

Замигала рация, и Подолян включил дешифратор.

– Fuck you! – загремело по пилотской кабине. – Это есть...

мнэ-э... возмутительный акт пиратства! Правительство моей страны не оставит без последствий подобное варварство!

– Пошли его в задницу!

– Мы требуем...

– Заткни этого урода! – махнул рукой Воронин. – Какая у них скорость?

– Что и у нас – двадцать и девять кэмэ в секунду.

– Долго будут лететь! – процедил командир, подрабатывая движками коррекции. – Мимо Пояса Койпера – и дальше!

– Они задохнутся раньше, чем долетят даже до Пояса Астероидов...

– Так им и надо... Гуань-чэна я им никогда не прошу. Да и... А-а!

Воронин махнул рукой – капитан выжил, а пассажиры – йок...

Отстегнувшись, он выплыл из-за пульта.

– Ты куда? – встрепенулся Ашот.

– За хвостом.

В коридорном отсеке Николай столкнулся с Серегой Зайченко, гляциологом.

– Нам повезло, – сдавленно выговорил он, будто оправды-

ваясь, – мы в скафандрах были, все четверо. Примеряли...

Воронин молча хлопнул гляциолога по плечу и пошагал дальше.

– Помочь чем? – донесся голос Зайченко.

– Поступаешь в распоряжение Ашота! Тут ремонту – до фига и больше.

– Все понятно...

Цокая магнитными подковками по исчерканной полосе на условном полу, Николай прошествовал к стыковочному узлу – с той стороны внешнего люка находился СПК – средство передвижения космонавта, простейший каркас-платформа.

Бочком зайдя в кубическую камеру кессона, Воронин закрыл люк внутренний, отворил люк внешний.

«Осторожно, вакуум!» – беззвучно рывкнула световая надпись, полыхающая на уровне глаз.

В широком круглом проеме стыло пространство.

Конца и дна не имеющая темнота, обрызганная звездами, колкими и немигающими.

Перехватываясь, Воронин втиснул себя в СПК.

Перед сиденьем торчал пульт, за спинкой пузырились шаробаллоны с топливом, высывались чашки и рюмки дюэ, а под рамой спереди были сложены мощные манипуляторы.

– На позиции? – осведомился Подолян.

– На позиции, и готов. Расстыковку давай.

– Чичас... Расстыковка!

С громким щелчком, донесшимся через каркас, СПК мед-

ленно отошел от корабля.

– Расстыковка завершена.

– Герметичность в порядке. Давление в кессоне сто процентов.

– Что толку? На корабле – пустота торричеллиева...

– Ну, да, вообще-то...

Солнце отсюда выглядело заметно меньшим, нежели видимое с Земли, но все равно смотрелось внушительно.

Ни «Голубой», ни «Красной планеты» в сиянии светила видно не было.

И звезды, звезды со всех сторон...

Яркие или потусклее. Россыпями.

«Вот тебе и неведомое, – думал Воронин, – и неизведанное!»

Кушайте полной ложкой...

Николай потряс головой.

Внутри – поганая болтушка из ярости, страха, унижения.

В таком состоянии на врага бросаться впору, а он...

А куда деваться?

Улетит корма, и все.

Двигатель – йок, и матери в деревню «похоронку» пришлют.

Не выдюжит старая...

Оглядываясь на «Энтерпрайз», командир завел своего «конька-горбунка».

Бледные конусы газа ударили из дюз, и космоскаф, как

прозвали СПК досужие журналисты, двинулся вдоль корпуса.

Вот она, пробоина...

Двое пролезут.

Титановая оболочка разошлась на добрый метр, расплескалась, оголяя керамит.

Края бреши глазурованные будто...

Уроды.

Воронин повернул голову, глянул на штатовский корабль, сощурясь – словно прицеливаясь.

Дать бы вам хорошенько, да нечем.

Ничего...

Будет и на нашей улице праздник, когда перевернется «КамАЗ» с печеньем...

Потихоньку Николай добрался до изувеченного, разорванного пополам отсека.

Здесь тоже хватало сферобаллонов – целая гроздь шаровидных баков с водородом, а за ними, во все четыре стороны, простирались громадные радиаторы, похожие на крылья.

Когда корабль разгонялся, радиаторы трудились вовсю, раскалялись докрасна, охлаждая ЯДЭУ и «согревая Вселенную».

За ними еще недавно круглилась параболическая антенна, здоровая, метров пять в поперечнике, если не больше, а теперь от нее даже пенька не осталось.

Ну, правильно, зачем жертвам нападения связь? Еще

лишнего наговорят...

– Ур-роды, – буркнул Николай.

Там, куда ударил луч лазера, металл и композиты испарялись – 400 тераватт в импульсе!

«Я вам еще устрою!» – пообещал себе командир «Леонава».

Хвостовая часть удалилась метров на двести, она плавно, замедленно вращалась.

– Не улетай, – фальшиво пропел Воронин, – побудь со мною!

Добравшись до хвоста и уравнив скорости, Николай поработал манипуляторами, стараясь ухватиться за стойки и раскосы.

Со второй попытки ему это удалось.

Вцепившись в корму, как в родную, космоскаф включил двигатели на полную тягу погашая инерцию хвостовой части, и медленно потащил ее к носовой половине ТМК.

Воронин успел лишь зафиксировать фалом обе части корабля, как в наушниках взволнованно проговорил Ашот:

– Эти гады выслали спасательную капсулу!

– Бли-ин... Спроси этих гадов, чего им надо.

– Чичас!

Голос Подоляна смолк, но скоро послышался вновь:

– Они требуют наши топливные баки! И кислородный!

– Много хотят, – хладнокровно рассудил Воронин. – Но мало получают.

СПК двинулся навстречу капсуле «Игл» – круглой, как шар, с четырьмя опорами.

Видно было, как попыхивает двигатель коррекции.

– Баки вам? – бормотал Николай. – Будут вам баки!

Космоскаф с модулем сошлись на встречных курсах, и Воронин с лету вцепился манипулятором в одну из посадочных ног.

От столкновения оба аппарата закрутило, как в танце.

СПК притормозил, а затем потащил модуль к корме «Энтерпрайза».

Внутри спасательной капсулы решили противиться своей доле и включили маневровые, пытаясь вырваться их слабой тягой.

Воронин поступил просто – перехватился манипулятором, да и повернул капсулу, куда ему нужно.

В итоге американцы прибавили скорости СПК.

Спохватившись, они выключили двигатели, тут же задействовав другие.

– Ку-уда? – выговорил Николай, удерживая вырывающуюся капсулу, но вертеть ею не стал, поступил проще: свободным манипулятором разможил сопло.

Обратным движением он и вовсе сбил движок, похожий на крест – четыре сопла торчали в стороны.

– Сидеть и не рыпаться! Бортинженер!

– А?

– Бэ! Что там с двигателем? – спросил Николай, слегка

задыхаясь, будто собственными руками хватал «Игл».

– Да я как раз проверял... Чичас... Так... ЯРД цел!

– Сла-ава богу...

– Но ремонту... Чтобы ты понимал – силовые профили с правого борта всмятку, половину лонжеронов расплавило и разбрызгало. Турбонасос... Хана турбонасосу... И защита реактора течет... Коль... Мы не потянем.

– Жить захочешь, еще не то потянешь...

– Да тут работы...

– Чего ты тупишь, Ашот? Тянешь-потянешь, и вытянешь!

Как дед репку...

Рваная дыра в топливном баке была велика – «Игл» вошел в нее почти весь.

Воронин еще и подпихнул капсулу, заталкивая ту поглубже в бак, а затем аккуратно завернул рваные листы обшивки, полосатые от ребер жесткости. Упаковал.

Выглядело это, наверное, смешно, как сцена из ситкома, но командира корабля злость разбирала: «Хрен выберетесь теперь!»

Николай уже назад поворачивал, когда заметил открывавшийся люк жилой гондолы «Энтерпрайза».

Оттуда вывалился астронавт, разматывая фал.

Обеими руками он сжимал некий прибор...

Какой, к черту, прибор?!

Огнестрел!

Вспышка – и астронавта плавно опрокинуло отдачей.

Пуля звякнула рядом с Ворониным, ударив о стойку и улела рикошетом.

Николай сунул руку к карману на «космическом сапоге». Дернул клапан и вытащил пистолет, привязанный к скафандру шнурком.

Стрелять в перчатках было неудобно.

Как смог, Воронин прицелился и нажал на спуск.

СПК вздрогнул, но его не повело.

А вот астронавт опять ноги закинул...

Выстрел.

Пуля пробила пустотник сбоку. Ладно, там, пробила...

Она и космонавта продырявила!

Николай зарычал от боли, прикладывая зачем-то ладонь к отверстию в скафандре.

Многослойная оболочка пустотника затянет дырку в боку.

Спецбелье впитает и пот, и кровь, чтобы не испачкать вакуум-скафандр...

Скрипнув зубами, Воронин выстрелил дважды.

И один раз попал – пуля пронзила шлем неведомого астронавта.

Тот кувыркнулся назад, да так и завращался, уже не шевеля ни руками, ни ногами.

Готов.

В это самое время у штатовцев нашелся умник, запустивший главный двигатель на остатках рабочего тела.

Николай заметил это по тепловому муару заструившему-

ся из дюзы ЯРД – истекавший горячий водород не виден в вакууме.

За колеблющимся маревом выхлопа пустились в пляс звезды.

Что случилось секунду спустя, так и осталось неясным.

Скорее всего сказалось то, что двигатель находился в облаке «гремучего газа».

Короче говоря, ЯРД рванул.

Весь агрегатный отсек «Энтерпрайза», опутанный блестящими трубочками и оттого похожий на валторну, разнесло на куски. Вздувшийся клуб фиолетового пламени угас так же быстро, как и возник.

Топливный бак разорвало окончательно, а «Игл» больше всего походил на кокнутое яйцо...

Затрещал дозиметр.

– Ты видел?! – завопил Ашот.

– Видел...

Американский корабль, как давеча астронавт, стал замедленно кувыркаться, плавно удаляясь.

«За что боролись, на то и напоролись!»

– Ашот, – послышался голос Царева, – есть там кто живой, как думаешь?

– Ну-у... Чтобы ты просто понимал – «Игл» рассчитан на троих, еще один снаружи кувыркается... А в экипаже у них должно быть шестеро или семеро. Вот, и считай... Коль, как думаешь: выберемся?

– Прорвемся!

«Asia Times», Гонконг:

«Еще четыре года назад, на I-м съезде Международного Контрольного Комитета, которым Россия предложила заменить ООН, совершенно беспомощную в вопросах войны и мира, было оговорено, что Марс поделят на сектора освоения – от Никс Олимпика на западе, через область Тарсис, Долину Маринер и Жемчужную землю до Большого Сырта и равнины Изиды.

Лабиринт Ночи стал евразийским сектором, где Россия основала базу «Королев» и строит новую станцию неподалеку. Как только в недрах Лабиринта Ночи был обнаружен тяжеловодный лед, американцы тут же поставили базу «Порт-Годдард» в восточной зоне евразийского сектора освоения, что само по себе нарушение, но русские отнеслись к инициативе НАСА с юмором.

В самом деле, в районе «Порт-Годдарда» хватает линз обычного водяного льда, залегающего неглубоко, но дейтерием там и не пахнет.

Соединенные Штаты тут же подняли шумиху, обвиняя Россию в захвате ресурсов, которые якобы принадлежат всему человечеству, и даже в аннексии марсианских территорий!

И последний инцидент с ТКС «Аламо» есть продолжение подобной политики – Америка никак

не хочет признать, что время Рах Americana безвозвратно прошло.

КНР уверенно занимает первую строчку в рейтинге стран с наибольшим ВВП. США пока еще удерживают второе место, но их все сильнее подпирает Россия.

Однако американские политики не желают смириться с новым мировым порядком, предпочитая диктовать свою волю и отстаивать жизненно важные интересы с помощью военной силы.

Возникает вопрос: как ответит российский Президент на провокационную деятельность Белого дома?

И как поступит китайское правительство?»

Глава 6. Туман войны

Вывалившись из кессона, Воронин не смог снять скафандр и нормально обработать рану – на борту царил вакуум.

Завидя перекошенное лицо командира, Ашот спросил:

– Тебя что... – И не договорил.

– Подстрелили, – буркнул Николай. – В бочину попал, гад.

– Перевязать надо!

– Чучело! Как я тебе перевяжу?

– А, ну да... Слушай, я тут смотрел... Чтобы ты понимал – в пилотской дырки мелкие, их уже затянуло. Я потом металлизую... Надо хотя бы рабочий отсек залатать, тогда можно и давление поднять.

– А кислород смотрел?

– Резервуар целый, который с жидким воздухом. Стабилизатор атмосферы тоже не задело, вроде...

– Вроде или точно?

– Снаружи дырок нет.

– А регенератор?

– Вот тут проблема. Правда, биотехнический отсек герметичен, контейнеры с хлореллой не побились и не замерзли. Цэ-о-два они поглотят, пока ремонт... И еще фильтры есть.

– Блин... Ты, давай, латку ищи. Видал, какая дырища в рабочем отсеке? Там и бочкой смолопласта не обойдешься.

– Может, снаружи вырезать? Титана лист? Я его обожду с той стороны, а ты отсюда запенишь.

– Попробуем... Ладно, топай, а я пока РИТЭГ приволоку.

– А... зачем?

– Греться.

– А термоэлементы?

– А реактор? – тем же тоном ответил Воронин. – Не тупи!

– А, ну да, там же все оборвало... Может, с кабелей и начнем?

– Потом. Там работы – море.

Отгалкиваясь здоровой ногой, Николай двинулся курочить аварийную систему, куда были запитаны РИТЭГи – радиоизотопные термоэлектрические генераторы.

В каждом из них было расковано почти три кило плутония-238, и выдавал РИТЭГ полтора киловатта тепла.

Печка. «Космическая буржуйка».

– Командир! – догнал его голос Гоцмана.

– Я за него, – буркнул Воронин. – Как там Пратт?

– Плох. Ему нужно срочно делать операцию, а негде!

– Бли-ин... Кравцов где? Михаил, кажется?

– Мишу я с Даниэлем оставил.

– Смените его и шлите Мишу сюда. Сергей!

– Здесь я!

– Будешь с Михаилом герметизировать кают-компанию.

Генка вам покажет, как Ген!

– Иду-иду!

Командир ТМК приволок печку в пилотскую кабину и огляделся.

В тусклом аварийном свете пестрели темные кляксы смолопластовых пробок, затянувших пробоины.

Наскоро заделав их, Николай проворчал:

– Потом он металлизует...

– А? – откликнулся Ашот.

– Бэ.

– А-а... Чтобы ты знал – я тут вырезал пластину, скрутление, вроде бы, такое же, как на рабочем. Попробуем, может?

– Давай... Ты фал хоть прицепил?

– А? А-а! Чичас!

– Чучело...

Зацепившись магнитными подковками за металлическую полосу на полу, Воронин покачивался, как воздушный шарик на веревочке.

Пробоина открывалась прямо перед ним, здоровая, как окно.

Окно в космос.

Закреть надо, а то продует...

Спохватившись, Воронин достал инструменты и принялся ровнять рваные, оплавленные края «окна».

– Готов? – спросил Ашот.

– Готов...

Подолян в скафандре приплыл как бы сверху, толкая перед собой многослойный лист обшивки.

В разрезе: титан, гранулы смолопласта, какой-то композит, сетка из гафния, защищающая от нейтронов, опять композит...

И такой-то высокотехнологичный материал использовать как заплату!

С ума сойти...

– Прижимай!

– Зазоры есть? – пропыхтел Подолян.

– Да вроде нет.

– Вроде или точно?

– Я т-те поерничаю щас! Прижал?

– Ага!

– Держи...

Воронин щедро напустил смолопласту из аварийного баллона.

Темная масса быстро набухла, теряя блеск.

– Держится, вроде... Ашот!

– А?

– Провари шов! Можно не сплошной, а то нам вакуум-смеси не хватит.

– Чичас!

И пяти минут не прошло, а в маленьком иллюминаторе уже завиднелись лиловые отсветы сварки.

Наскоро металлизировав заделанную пробойну, Николай запенил образовавшуюся вмятину между краями керамитовых пластин.

Некрасиво, зато крепко.

Надежно.

Проверив чуть ли не каждый квадратный сантиметр переборок, Воронин открыл цистерночку с воздухом.

Регулятор подавал парящую струю, и вскоре пилотская кабина и соседний рабочий отсек скрылись в морозном тумане.

Подумав, Николай притащил еще один РИТЭГ.

Вроде бы простенькая операция – сходить да принести.

Пришлось, однако, запирать пилотскую кабину, а потом откачивать воздух из рабочего отсека – не в космос же его сбрасывать.

И лишь после этого, превратив отсек в шлюз-камеру Воронин покинул тепленькое местечко и вернулся с еще одной «буржуйкой».

Когда Ашот постучался во внутренний люк, в пилотской кабине и рабочем отсеке потеплело до плюс пяти.

На переборках блестели капли конденсата, и Воронин сосредоточенно отлавливал их пылесосом – сушить воздух пока было нечем, кондиционер требовал срочного ремонта.

– Да-да! – откликнулся Николай. – Войдите!

Звякнула крышка люка, и Подолян вплыл, напуская облако пара.

– Дверь закрой, выстудишь тут все...

Ашот торопливо захлопнул люк, протер запотевший лицевой щиток, а потом догадался откинуть шлем.

– Ух, ты! Тепло как!

– Да уж, не хухры-мухры... Давай, вылазь, поможешь мне бочину залатать.

– Ой, я и забыл! Чичас!

Отпарив потоулавливающее белье, Подолян оголил рану.

– Сквозная... Чистая... Может, Гоцмана позвать?

– У него Пратт. Тяжелый.

– А-а... Тогда... Ты уж потерпи, ладно?

– Да уж потерплю...

Промыв рану заживляющим раствором, Ашот осторожно залепил ее тампопластырем.

– До свадьбы заживет! – бодро сказал он.

– Спасибо, доктор... Так, наводишь здесь порядок, а я в кают-компанию прогуляюсь.

Воронин натянул пустолазный скафандр Гуань-чэна, тесноватый, зато целый и чистый. Отшлюзовался и выплыл в остаток коридорного отсека.

Пола не было, покореженная металлическая дорожка висела, перекрученная и продырявленная, словно хлипкий мостик над грузовым отсеком внизу, откуда торчали гнутые балки каркаса с остатками обшивки.

Внешний борт присутствовал, но со множеством пробоин.

Постарались америкосы...

Самое интересное, что свет горел, правда, аварийный, красный, и не везде.

Красное и черное... Мрачновато.

Николай сжал зубы и засопел.

Гуань-чэна жалко. Вредный был, но мужик стоящий.

А ученая братия? За что ее?

Летели, радовались...

Господи, какие все-таки сволочи! Из-за своей сраной политики столько людей погубили, ни за что, ни про что...

– Штурман, ты в кают-компании?

– Так точно. А ты?

– В коридоре.

– Нырять вниз, как бы к камерам-хранилищам.

– А-а... Где аварийный люк?

– Точно. Емкости со смолопластом хватило только-только, тут пробоины мелкие...

– Понял. Сейчас я...

Осторожно спустившись через пролом в переборке, Воронин оказался в развороченной камере-хранилище.

А вот и люк.

Откинув крышку, Николай проник в кессон.

Вскоре он перешагивал высокий комингс салона, или кают-компании, как его привыкли называть пилоты.

Все были здесь – и уцелевшие пассажиры, и Царев.

Генка трудолюбиво копался в кислородном регенераторе, а Зайченко висел под потолком, старательно металлизировав пробоины, затянутые черными кляксами смолопласта.

Гоцман был занят, он оперировал Даниэля Пратта.

Даниле сильно не повезло – поражающий элемент распорол ему живот.

Усыпленный гипноиндуктором, мигавшим синим огонечком, Пратт лежал на простыне.

Одним концом она была привязана к ножкам выдвижного стола, а другой конец держал Кравцов.

Хирург был без маски и перчаток, хотя мороз стоял крепкий.

Гоцман плавно водил роботоинструментами – те аккуратно зажимали края распоротых кишок и штопали белыми скрепами.

Скрепы постепенно вrastут – и растворятся.

– Промывочка... – запыхтел хирург. – Николай, будь другом, промокни пот!

– Сейчас!

Сориентировавшись, Воронин взял салфетку и приложил ко лбу Гоцмана – пот собрался блестящими шариками.

– Спасибо!

Промыв и трижды пропитав швы густо-коричневым раствором кожной регенерации, хирург принялся зашивать живот – роботоинструмент быстро-быстро застрекотал, вкалывая тонкие иголочки.

«А чего это я глазею?» – подумал Николай.

– Ген, что у нас с кислородом?

– Есть пока... Плохо, что регенератор как бы побит. Резервный я сейчас доведу до ума, а основной... Как сказать...

Миха обещал им заняться, когда... Ну...

– Я понял.

– Ага. А то цэ-о-два как бы в рост пошел.

– Понятно. Продовольствие?

– Ну, если груз распотрошить, хватит хоть на год.

– Вода?

– Гидросистема как бы перемерзла, но... Михаил! Воды много?

– Хрен там! В обоих баках на дне. По ведру на каждого.

– Миша, не дергайтесь.

– Извините, доктор...

Воронин снял шлем и вытер наконец-то потный лоб.

– Через неделю, – устало проговорил он, – мы будем на подлете к Цвергу И у нас появится ма-аленький шанс. Вот такусенький... Выжмем все из СОМ, уравняем скорость с астероидом...

– Топлива для СОМ как бы хватит, – осторожно сказал Царев. – Но на торможение мы его израсходуем все, до капли.

– Я и говорю о чем, – кивнул Николай, – но у нас нет иного выхода. Только затормозившись, мы сможем отстыковать МПК и сесть на Цверг. Если в европейском лагере... в смысле, на временной станции найдем воду... Тогда... Тогда проживем еще.

– Согласен, – кивнул Царев. – Да нам и выбора-то не оставили. Или на Цверг, или... пропадем без вести как «Тер-

ра-2».

– Хватит уже негатива, – проворчал Зайченко. – Давайте мыслить позитивно!

– Давайте... – вздохнул Воронин. – Если будем вкалывать, как папа Карло, и починим корабль, то доберемся до Марса. И будет нам счастье. Доволен?

– Уже что-то...

– Учти, припашу всех, а тебя, Генка, надо будет обучить пилотажу. Я один не справлюсь.

– Я только за, – прогудел штурман.

– Тогда наливай...

Все протянули грушевидные стаканы-непроливайки, и Геннадий бережно, строго по мерке, нацедил витаминизированную воду через трубочку.

– Помянем наших, – сказал Николай. – Не чокаясь.

«Жэньминь жибао», Пекин:

«В прошлом году с космодрома Оверберг стартовала ракета «Асsegай», которая вывела на орбиту вокруг Земли первый южноафриканский пилотируемый корабль.

ЮАР стала последним государством БРИКС², «записавшимся» в космический клуб. В 20-х и в начале 30-х годов космические полеты осуществили Индия, Бразилия и Аргентина, Иран, Индонезия, Малайзия,

² По мнению автора, к описываемому времени состав БРИКС существенно расширится, но не называть же этот союз стран БРИКСИМАТЕИ...

Египет и Турция, а такие «гранды» БРИКС, как Россия и Китай, овладели технологиями достаточно для того, чтобы собирать на орбите космические корабли с ядерным двигателем.

Сейчас во всем мире восемь таких кораблей – китайский «Янцзы», российские «Титов», «Леонов» и «Гагарин», американские «Либерти», «Энтерпрайз» и «Астра», европейская «Гей».

И это не просто очередной успех науки и техники – началась самая настоящая космическая экспансия.

Российская «Полярная база» на Луне и евро-американская «Порт-Рорис» (Залив Росы, Океан Бурь) снабжают сырьем орбитальные заводы «Гардар» (РФ), «Коламбус» (ЕС), «Тяньгун» (КНР).

На орбите высотой пять тысяч километров строится крупнейший российско-китайский завод безгравитационного литья «Вэйдады Ю-и» – «Великая дружба»³.

Все людней становится на марсианских базах «Королев» (Россия) и «Порт-Годдард» (США).

Ширится и крепнет плацдарм человечества на Марсе...»

³ ИС-5 впервые упомянут в романе А. и Б. Стругацких «Страна Багровых Туч».

Глава 7. Порог безопасности

Земля, США, Хьюстон. Космический центр им. Линдона Джонсона

Батч Хоган отпустил такси-автомат, и тот отъехал, вращая дурацкой нахлобучкой на крыше, прорезанной визирами.

Батч поправил пиджак, неприязненно оглядел шумную толпу туристов и пошагал к Центру.

Человек пять по всей стране были в курсе тех делишек, которые он обделывал.

Один шибко пронирыливый журналюга пошутил однажды, что Хогана вызывают, как скорую политическую помощь – спасти чью-то репутацию, например.

Или, скажем, гасить последствия неумной инициативы какого-нибудь сенатора. Того же прыткого Маклейна.

Шутка не удалась – труп пронирыливого писаки обнаружили на другой день в дешевом борделе Майами.

И тишина...

Галантно пропустив гордую мамашу с целым выводком крикливой малышни, Батч продолжил свой путь.

По сторонам от входа в Центр стояли шаттл «Эксплорер» и орбитальный штурмовик «Спейс-кобра», оба настоящие.

Челнок доставили верхом на «Боинге» на базу ВВС Эллингтон, и приволокли сюда – лет тридцать тому назад, если

не раньше, а штурмовик торжественно водрузили на вечный прикол в позапрошлом году.

Правда, газеты стеснялись расписывать, как русские подбили «Спейскобру» – та просела с орбиты до высоты в сорок миль⁴, испытывая на прочность нервы и станцию планетарной защиты.

Хоган усмехнулся, вспомнив знакомого москвича.

Тот изредка восклицал, цитируя чьи-то строки: «В чем сила, брат?»

И сам же себе отвечал: «Сила – в правде!»

Вот только кому она нужна, эта правда?

Честность невыгодна.

Куда круче – извратить факты, выдав поражение за победу, а предательство – за подвиг.

Вранье щедрее оплачивается...

Минуя центральный холл со скафандрами, мимо сувенирного магазина, мимо кинотеатра и детской площадки, мимо холла памяти, где висели фото астронавтов, мимо тренировочного бассейна, Батч вышел прямо к ЦУПу.

Ядерные корабли уже не управляются с Земли, и в их экипажах обязательно присутствуют штурманы – в космосе извольте определяться сами, ЦУП не поведет вас за ручку.

Да и как, если до того же Марса сигнал идет четверть часа?

Завопят астронавты: «Houston, Houston, we got a problem!», а в ЦУПе их услышат лишь пятнадцать минут

⁴ Около 65 км.

спустя.

Через полчаса до корабля дойдет вопрос с Земли, а толку? Отвечать-то уже некому.

Хотя ребята из ЦУПа без дела не сидят – на орбите полно желающих поделиться своими проблемами.

Хоган зашел в обзорную комнату и оглядел центр управления – десятки операторов готовились к запуску.

На гигантском экране гордо высилась башня «Арес-7».

По круглым бокам ракеты скатывались морозные клубы – парил кислород.

– Говорит директор полетов, – разнеслось по залу. – Начать проверку готовности к запуску!

– Вас понял, Хьюстон, – отозвался с малого экрана руководитель запуска на мысе Канаверал. – Все операторы на местах, системы готовы. Проверка готовности к запуску! Технический контроль – один.

– Готов.

– Технический контроль – два.

– Готов.

– Технический контроль – три.

– Готов.

Разглядев блестящую лысину Лэнгдона Мейси, директора НАСА, Хоган двинулся на этот блеск.

Рядом сверкала плешь генерала Вэнкаутера Фокса, затянувшего пышные телеса в фиолетовый мундир ВКС.

Спелись, субчики-голубчики...

– Здравия желаю, Вэн. Хэлло, Лэнг!

Мейси слегка вздрогнул, разобрав, кто его окликает, и ответил с кислым видом:

– Хэлло...

– Ты будто не рад старому другу?

Генерал поджал губы, а Лэнг криво усмехнулся.

– Давай без этого... – Мейси повертел пальцами в воздухе.

– Давай, – легко согласился Батч, и тут же в его голосе зазвучали металлические нотки: – Радиограмма с «Энтерпрайза» была перехвачена «лунянами»... Не вздрагивай так, корабль услышали лишь на станции «Порт-Рорис». На русской «Полярной базе» сигнала SOS не принимали.

– Мистер Хоган, – сказал Фокс прохладным голосом, – это совершенно секретная информация!

– Для кого как, Вэн, для кого как...

– Да, – проямлил директор НАСА, – русские напали, и...

– Не пори чушь, Мейси! – резко сказал Хоган. – А лучше объясни, за каким чертом было обстреливать русский корабль?

Я знаю, кто заказчик, Лэнг, но тебя это не извиняет. По плану операции следовало «Леонов» захватить! И только.

– Мистер Хоган...

– Генерал, сделайте лицо попроще! Вы вляпались в ту же кучу дерьма, что и Лэнг, по самые ушки!

Батч посмотрел, как сытая, брыластая физиономия Вэнкаутера наливается нездоровым румянцем, фыркнул и пере-

вел взгляд на большой экран.

– Контроль полетных систем? – прогремело по центру управления.

– Готов.

– Первый двигатель?

– Готов.

– Второй двигатель?

– Готов.

– Воздушная обстановка?

– Готов.

– Оператор ракеты-носителя?

– Готов.

– Хьюстон, это центр управления запуском. Все системы готовы.

– Вас понял. Это ЦУП, мы готовы к запуску по расписанию.

– Вас понял, Хьюстон. Запуск по расписанию.

Мейси оглянулся на громадный таймер, показывающий 00.01.55, и приглушенно молвил:

– Меня вызывали в Белый дом и выложили все карты. На Марсе, прямо под боком у русской базы «Королев», обнаружены толщи льда из тяжелой воды. Это дейтерий, Батч. Пласты на сотни и сотни метров в глубину! А еще ниже будто бы залегает тритий... Откуда там изливается сверхтяжелая вода, никто толком не знает. Да и так ли это? Период полураспада трития – чуть больше двенадцати лет, следовательно,

должны существовать источники пополнения его запасов...

– Попрошу без лекций, – поднял руку Хоган и ухмыльнулся: – Решили, что нечего России опять сидеть на богатых энергоресурсах, да? Как-то нескромно, Лэнг. Русские отгрохали одну-единственную термоядерную станцию в Сибири, мы – на Аляске. И только. Не рано ли делить дейтериевый пирог?

– А чего ждать? – буркнул Фокс неприязненно. – Надо думать о будущем. Мейси рассуждал как истинный государственный муж и...

– Как истинный государственный дурак! Ваш ковбойский налет на «Леонов» не удался. Русский корабль уцелел!

Раскрасневшийся генерал побледнел, отчего лицо его пошло пятнами. Директор НАСА увял.

– Я не думал... – пролепетал он.

– Ну, разумеется, не думал! Если бы ты хоть немного пошевелил мозгами, то понял бы, что президент и тебя подставил с этой идиотской тайной операцией, и нашего бравого генерала!

– Мы же не одни! – бросился Вэн в контратаку. – Это цэр-эушники разработали план секретной миссии, а экипаж «Энтерпрайза» набран сплошь из космических пехотинцев!

– Дурачье... – скривился Батч. – Решили напакостить русским, да? Дескать, без подвоза «Королев» загнется, а тут и мы подсуетимся, и займем выморочную базу русских – во имя общечеловеческих ценностей. Примерно так, да?

Лэнг дернул плечом и насупился.

– А о том, как поступит Москва, ты думал, государствен-
ный муж? – вкрадчиво спросил Хоган. – Или ты полагаешь,
что русские утрутся и оставят наш наезд без ответа? Оши-
баешься! Нельзя дразнить русского медведя, а то он нашему
орелику все перья повыщиплет!

На таймере высветилось 00.00.15, и хронометрист повела
обратный отсчет.

– Пятнадцать... четырнадцать... тринадцать... двена-
дцать... одиннадцать... десять... девять...

Сощурившись, Батч смотрел на экран, где громадная ра-
кета попирала землю.

Недолго ей попирать. Считанные секунды...

– ...пять... четыре...

– Зажигание!

– ...три... два... один.

Загрохотало.

Всклубились тучи огня и дыма, а потом из этого неистов-
ства показался «Арес-7».

Тяжеловесно, величественно ракета набирала высоту.

– Отклонение?

– В порядке, ЦУП.

– Курс?

– На курсе.

– Высота одна тысяча метров.

– Порог безопасности пройден.

«Порог безопасности...» – подумал Батч и усмехнулся.

– И вот, когда станет совсем горячо, – медленно проговорил он вслух, – что сделает наш славный президент? Правильно, сдаст вас обоих, со всеми потрохами! На вас, дурачки, свалит всю эту дурацкую миссию, злодеями обзовет, допустившими неслыханный произвол и предавшими идеалы демократии! – Хоган усмехнулся. – Да вы не пугайтесь, суда не будет. Вас тихо уберут и красочно распишут во всех газетах, как генерал, не выдержав позора, застрелился, а бывший директор НАСА вскрыл вены, лежа в теплой ванне. Или шагнул из окна на сотом этаже – полетать захотелось на старости лет. И только.

Мейси тихонечко заскулил.

– Что же мне делать? Ба-атч...

– Продолжать в том же духе! – грубовато посоветовал Хоган. – Вэн, тебя это тоже касается! «Леонова» надо срочно найти и добить. На «Королеве» высадить космопехов для тотальной зачистки. Объявить залежи дейтерия собственностью человечества, нанять работников, и пусть они добывают тяжелый и сверхтяжелый водород на благо мирового сообщества. То есть, Запада. То есть Соединенных Штатов Америки, благослови ее бог!

Тебя, думаю, на днях вызовут на ковер в Овальный кабинет, вот и тверди об этом, Лэнг! выступи, как самый ярый «ястреб»! Только в этом случае ты получишь шанс уцелеть. И заработаешь целую кучу бонусов.

– Но это же война, Батч... – прошептал директор НАСА.

– Совершенно верно, – мурлыкнул Хоган. – А на войне, как на войне!

Генерал начал успокаиваться. Его маленькие, хитренькие глазки заблестели, а тяжелая челюсть задвигалась, словно перетирая жвачку.

– Русские отправляют на Марс один корабль в год, – внушительно сказал Фокс. – Мистер Хоган правильно отметил: «Леонова» необходимо добить. Тогда на «Королеве» начнутся перебои, и русские либо закроют базу, либо пошлют туда еще один корабль. В любом случае это расшатает ситуацию и потребует больших расходов. А космопехи пусть защитят наши жизненно важные стратегические интересы на Марсе!

– Бинго! – осклабился Батч.

– ...Высота полторы тысячи метров.

– Начинаем поворот.

– Высота две тысячи пятьсот метров.

– Поворот завершен, двадцать две секунды до отделения первой ступени...

«Всеобщее Вещание», Россия:

«Международная напряженность возвращается.

Эмиссары из Евросоюза вовсю шишуются с оппозицией в Турции и Новороссии.

Раньше времени началось осеннее обострение на Украине – бандеровцы, однажды уже развалившие

страну, опять поднимают голову, требуя санкций против «клятых москалей».

Соединенные Штаты вновь гальванизируют полугрупп НАТО, пугая почтенную публику жупелом «русской угрозы».

Теперь мы уже в космосе, оказывается, угрожаем...

Министр обороны РФ Р. Малиновский доложил президенту о принятии первоочередных мер.

Список их длинен, но мы отметим некоторые.

Авианосец «Иосиф Сталин» покинул ПМТО на Ла-Диг (Сейшелы) и взял курс на Аденский залив. Корабли охранения: три эсминец класса «Лидер» и тяжелый атомный крейсер «Киров»⁵.

Группа стратегических гиперзвуковых бомбардировщиков «Нимбус» совершила перелет на аэродром «Пунта-Горда» (Никарагуанский канал).

Взвод космопехоты ВКС, в ходе внезапной проверки, выбросился на десантном модуле с орбитальной станции «Гардар» и совершил баллистический спуск в заданную точку (аэродром ПМТО «Бербера», Сомали, Афросоюз).

«Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами...»

⁵ В настоящее время ТАРКР «Киров», переименованный на волне «демократизации» в «Адмирала Ушакова», ждет утилизации. Надеемся все же, что корабль удастся сохранить.

Глава 8. Летучий голландец

Пояс Астероидов, борт корабля «Леонов».

63-й день полета

Николай Воронин с детства мечтал стать космонавтом.

Его учителя, пережившие позор с распродажей «Буранов» всяким лишенцам и потопление станции «Мир», приветствовали романтические поползновения юного Коли.

Одноклассники, следившие за тем, как их страна возит американских астронавтов на ненужную ей МКС, наоборот, иронизировали над энтузиастом межпланетных сообщений.

Посмеивались либералы, посмеивались хранители общечеловеческих ценностей и радетели политкорректности – вплоть до весны 2028-го, когда малость отъезжая РФ запустила на Марс пилотируемый корабль.

Николай Воронин в ту пору выкраивал свой плотный график так, чтобы успеть к выпуску «Вестей» по телику, и с восторгом следил, как с Восточного поднимаются громадная «Энергия» и уж вовсе гигантский «Раскат», вознося на околоземную орбиту модули-блоки тяжелого межпланетного корабля.

Больше всего на свете он боялся тогда срыва, каких-нибудь махинаций или еще чего.

Выискался бы опять энергичный младореформатор, недалекий и тупой, и заморозил бы весь проект.

Но нет, дело довели до конца, и отправился «Гагарин», первый в мире ТМК, в полет.

А еще через три месяца Николай задышался от волнения, наблюдая, как фигурки в серебристых скафандрах смешно подскакивают на оранжевом песке и поднимают в тускло-розовое небо Марса российский триколор.

Ей-богу сотни президентских инаугураций стоила одна эта прямая трансляция с «Красной планеты»!

Ибо большего заряда патриотизма и гордости за державу было не передать.

После выпускного Коля Воронин решил поступать в Высшую школу космонавтики, но не получилось, и его забрали в армию.

Отслужил срочную, задержался по контракту – решил свой подъем на орбиту начать с военного аэродрома.

Года через три поступил в летное училище, а в 2027-м младший лейтенант Воронин прибыл для дальнейшего прохождения службы на базу Камрань.

Уже на следующий год ему, лейтенанту, пилоту «МиГ-55», принимавшему участие в гашении горячей точки на Парасельских островах, прислали анкету.

Он ее старательно заполнил (с громко бьющимся сердцем) и отослал.

Пришло время, и старлея Воронина вызвали в Королев. Комиссия была строга, но в отряд космонавтов Николай попал-таки.

Тренировался и учился на командирском факультете ВШК.

В первый свой полет Воронин отправился на «Клипере-С1М» – доставил груз на Спу-1 «Гардар», новенький, чисто русский орбитальный завод, загрузился готовой продукцией и перевез на китайскую станцию «Тяньгун».

Мечтал он, правда, о межпланетных путешествиях, но даже на Луну слетать никак не удавалось – и Полярную базу выстроили без него, и облет Венеры не предусматривал его участия, и 4-я марсианская экспедиция обошлась без капитана Воронина.

И 5-я, и 6-я...

«Титов» еще не стартовал тогда, но список экипажа был известен – Воронин в нем не значился даже дублером.

Но Николай умел надеяться. Терпеть, работать за троих и ждать.

И дождался...

Забывшись на часок, Воронин проснулся от боли в боку.

Пуля не задела кость, не коснулась требухи – прошла навывлет сквозь мышцу и застряла в оболочке скафандра.

Третьи сутки минули после нападения «Энтерпрайза».

Связаться с Землей пока не удавалось, просто руки не доходили до сборки антенного устройства.

Забот и без того хватало.

Кое-как им удалось загерметизировать почти весь МОК.

Ашот приволок пятнадцать баллонов с жидким кислородом.

В каждом было по паре ведер.

Это триста тысяч литров живительного газа, которого им хватит на месяц.

Пищевых рационов – ну, просто завались, для «зимовщиков» на Марсе их везли тонны, а вот воды...

Воды было мало. Очень мало.

Пока еще их спасал регенератор, каждый день отцеживавший из атмосферы и мочи по два стакана на каждого, но все идет к тому, что даже эту скудную «пайку» придется урезать до трехсот миллилитров в сутки, а потом и до двухсот.

Так что чудесная возможность сдохнуть от жажды у них имеется.

Правда, есть НЗ – глыба льда, что покоится в негерметичном отсеке по соседству, но это на черный день.

Воронин усмехнулся.

Можно подумать, сейчас светлый...

Зашипел шлюз, загрюкали подковки.

Подолян стащил шлем и смущенно улыбнулся.

Ашоту здоровому, было неловко, что раненый товарищ вынужден подменять его на ВКД.

Но больше-то некому. Царев и так по две смены отбаранил...

– Встаю, – сказал Николай, покидая спальник, висевший на переборке.

– Я там прихватил кое-где, – заторопился Подолян, – надо только проварить, как следует.

– Сделаем, – кивнул Воронин, сдерживаясь, чтобы не застонать.

Благо, что невесомость и не надо ходить.

Но все равно двигаться, не беспокоя раненый бок, не получалось.

То изогнешься, то наклонишься – и как резанет... Уф-ф!

– Генка где?

– Они с Зайцем кабели протягивают.

– Понятно.

Нацепив гермошлем, проверив давление воздуха в баллоне и зарядку аккумулятора пояса, Николай оттолкнулся здоровой ногой и поплыл к кессону.

Отшлюзовался. Перехватился.

Космоскаф Царев не тронул – оставил ходячим больным. Воронин усмехнулся. Болезный...

За СПК Николай почти не держался, одной ногой цепляясь за фиксатор.

Почему-то лишь теперь, когда его корабль поневоле забрался в Пояс Астероидов, Воронин ощутил, что он в мировом пространстве.

К этому времени Земля ужалась до яркой голубой звезды, Луна и вовсе за искорку сходила, одно только Солнце палило тем же шаром горячей материи.

Но и оно не воспринималось сейчас как солнышко – нет,

то был желтый карлик в полыхающей мантии, косматый от протуберанцев, бросающий в толпу планет полные пригоршни протонов и нейтрино.

Звезда. Светило. Небесное тело.

А как осмотришься, так и вовсе страх берет.

Сидя на Земле, не понять, какова она, эта бесконечность, бездонная тьма, где царит абсолютный колотун.

И здесь просто негде укрыться от скопища галактик, зовомого Большой Вселенной – она повсюду, куда ни глянь, и только тонкая скорлупка корпуса корабля разделяет тьму и свет, холод и тепло, смерть и жизнь.

Кокни ее, эту скорлупу, и капец придет горстке живых и нагих, возомнивших, что если они разумны, то уже и не смертны.

Как бы не так...

«Во-во...»

Парой слабых выхлопов Николай направил космоскаф к месту перелома – переходному отсеку, где Ашот пытался накладками из титана скрепить корму и нос.

Шаткой выходила конструкция, но другой нет.

Взявшись поудобнее за цилиндрический баллон со смесью для вакуумной сварки, Воронин хотел было приступить к работе, как в наушниках зазвучал взволнованный голос Подоляна:

– Командир! Прямо по курсу неизвестный объект!

– Тарелка? – натужно пошутил Николай.

– Не, что-то такое вытянутое... Конус такой...

– Да неужто... – послышалось бормотание Царева.

– «Терра»! – охнул Зайченко. – Та, пропавшая!

– Разберемся, – сказал Николай мужественным голосом. –

Как думаешь, есть смысл сблизаться?

– Возможность есть, – протянул Подолян, – а смысл...

Топлива для СОМ – полета процентов...

– А вдруг на «Терре» вода?

– Точно... Подгребаем!

Воронин развернул космоскаф, но ничего не обнаружил

– далеко еще.

«Терра»...

Первый европейский корабль с ядерным двигателем.

«Терре-1» не повезло – этот корабль-ионолет, подобный штатовскому «Гермесу», погиб в Поясе Астероидов.

Правда, богатейшие коллекции образцов на Землю доставили-таки в 33-м.

Вместе с «грузом 200»...

Год спустя в полет отправилась «Терра-2», уже с ЯРД.

Начала она удачно – и на Луну слетала, и комету Фогель сопровождала, а из последнего рейса к Весте не вернулась.

Злопыхатели тогда накинулись на ЕКА – дескать, поспешили вы, господа хорошие, побоялись отстать от поезда!

Русские построили межпланетный корабль, американцы свой тоже сдали, а тут и азиаты подсуетились, ну, и вы кинулись «Терру» лепить.

И все те недоделки, что содеялись на Земле и орбите, вылезли экипажу боком!

«Ай-яй-яй!» и «Как не стыдно!»

Ну, это все политика, а что там на самом деле случилось, никто не знает.

Вот, скоро и узнаем...

И Воронин призадумался: а не опасно ли это для «Леонава»?

Мало ли что...

А он командир, на нем вся ответственность...

Лежит на нем и побряхтывает...

Хотя... Хуже все равно не будет – хуже просто некуда.

– Межпланетный «летучий голландец»... – медленно проговорил Царев.

В голосе его звучали азарт исследователя и простое человеческое любопытство.

– Да вроде... – задумался Николай. – Черт, не знаю даже...

– Что? – не понял Ашот.

– Ну, опасно же! Может, их вирус сгубил? Да такой, что чума насморком покажется?

– Все равно... – протянул бортинженер. – Надо. Долг! Хоть родичам сообщим. Ну, тех, кто погиб...

– Может, живы они? – пробормотал Геннадий.

– Ну, ты как скажешь! Два года прошло!

– Ладно, – вздохнул Воронин, – разберемся... Да и скафандры на что?

«Биржевые ведомости», Санкт-Петербург:

«Высший Ученый Совет анонсировал проект «Марс», предполагающий генерацию атмосферы на «Красной планете».

По словам одного из разработчиков, профессора Репнина, реализация данного проекта станет возможной не ранее начала следующего века.

Однако, если не начинать двигаться к намеченной цели, достигнуть ее не удастся.

Что из себя представляет проект? Выделим несколько элементов.

Во-первых, предполагается буксировка к Марсу и сброс на его поверхность комет и планетезималей, то есть тел из льда и снега.

При их падении произойдет интенсивный выброс водяного пара, углекислоты, аммиака и метана, который резко повысит давление атмосферы.

В свою очередь, более плотная атмосфера ускорит таяние вечной мерзлоты – настоящей криолитосферы, толщиной десятки и сотни метров. По различным оценкам, в приповерхностном слое пород Марса содержится порядка 77 миллионов кубических километров водяного льда⁶.

Проект также предполагает вывод на гелиоцентрическую орбиту гигантских космических станций, которые, находясь над полярными шапками

⁶ Здесь представлены современные оценки.

Марса, станут прогревать их микроволновым излучением.

А на марсианских полюсах покоятся колоссальные ледники в четыре километра толщиной, под которыми сохранились реликтовые озера соленой и пресной воды.

Если растопить лишь одну южную полярную шапку Марса, то вода покроет всю планету слоем в 11 метров!

А чтобы сохранить сгенерированную атмосферу, необходимо проложить по экватору проводник или сверхпроводник, подключенный к мощным энергостанциям – это усилит магнитное поле Марса, ко всему прочему, защищая поверхность от солнечной и космической радиации.

Наконец, третья фаза проекта связана с дистилляцией марсианской атмосферы – надо будет минимизировать присутствие углекислого газа, метана и аммиака, одновременно повышая содержание кислорода.

Ученые уверяют, что за каких-то двести-триста лет станет возможным терраформировать Марс и превратить его во Вторую Землю.

...На Марсе разольются Северный океан в сотни метров глубиной, и Южное море, травы покроют огромные пространства нынешних пустынь, зашумят леса...

Розовое небо поголубеет, и прольются дожди...»

Глава 9. Корабль-призрак

Резерв топлива для СОМ позволял увечному «Леонову» провести маневр сближения с «летучим голландцем», тем более что он дрейфовал параллельным курсом.

Но быстро подлететь, как выразился Ашот, было нельзя – небесная механика не позволяла совершать резкие телодвижения. Десятки раз пыхали микродвигатели коррекции и маневрирования, пока не уравнили скорости двух кораблей.

А когда дистанция между ними сократилась до километра, сомнения отпали – «Леонов» сближался с «Террой-2».

Центральным и самым объемным модулем европейского корабля был конусовидный топливный бак.

С острой стороны крепился двигательный отсек, а все прочие модули помещались на основании конуса.

– На самовар похоже... – прокомментировал увиденное Царев.

– Да, что-то такое есть... – согласился Воронин.

– Слу-ушай, командир, – сказал Ашот, – там что-то не то! Ты видишь? У них люк открыт!

– Как – открыт?

– Настежь!

Воронин присмотрелся к медленно вращавшемуся конусу.

Круглая бляшка люка на выпуклом боку «самовара» была

откинута, позволяя глазеть на интимные места шлюза, мрачно зиявшего чернотой.

Николай передернул плечами – из отверстого люка словно дуло тоской и гибелью...

– Стыкуемся, – буркнул Воронин. – Ген, сможешь сам?

– А чего тут мочь? – бодро откликнулся Царев. – Стандартная программа.

– Давай... А я своим ходом.

Николай доплыл до «Терры», чуть промахнувшись, и манипулятор СПК схватился за жгуче-белую антенную тарелку, отбрасывающую четкую тень на переходной отсек.

Закрепив фал на космоскафе, Воронин оглянулся.

«Леонов», брызгая из сопел, медленно напоззал, разворачиваясь уцелевшим стыковочным узлом.

– Ашот, плазморез захвати. Вырежем нормальные латки.

– Точно! Хоть переходник по-человечески укрепим!

Кивнув, словно Подолян мог его увидеть, Николай проплыл в тесную шлюзовую камеру.

– Чем дальше, тем интересней. Внутренний люк тоже разблокирован!

– Ничего себе... – донеслось бормотание Царева.

Воронин дождался, пока громада «Леонова» напоззет и ощутимо качнет «Терру».

– Есть касание! Есть обжатие стыка! Есть стыковка!

– Жду. Отшлюзоваться не забудьте. Наш кораблик... хм... не совсем герметичный.

Звякнул люк, Подолян на пару с любопытным Гоцманом ввалились в соединительный модуль, и Воронин осторожно, от поручня к поручню, мимо шкафов с оборудованием и круглых экранов проплыл в грузовой отсек.

Все вокруг было одинаково вогнутым и равно обито мягкими панелями.

Приборы, пульты, транспаранты, иллюминаторы торчали отовсюду – и снизу, и сверху, и с боков.

Николай огляделся: контейнеры какие-то (будем считать, что на потолке), четыре скафандра из гибких металлических колец, с цилиндрическими прозрачными шлемами (будем считать, что у стенки).

Неуютно было здесь, неуютно и гробно.

– Ашот, обыщи весь отсек, проверь контейнеры. Да, и загляни в посадочный модуль. Осторожно только!

– Конечно... – проворчал Подолян. – Что я... совсем, что ли? А почему только в один посадочный? Их же два должно быть? Я читал!

– Он читал! – фыркнул Воронин. – Чучело...

– Чего ты все время – чучело, да чучело! – обиделся бортинженер. – Чуть что, сразу – чучело!

Николай посмотрел на Ашота, шуря глаза, и тот заторопился исполнить приказ, унимая остаточное ворчание.

Николай обыскал энергомодуль – никого.

Модуль ориентации – та же история, только яркая крупная звезда заглядывала в крошечный круглый иллюминатор

над терминалом.

Белый санитарный отсек – и здесь пусто!

Живых Воронин и не надеялся найти, однако и мумии в скафандрах ему не попадались на глаза...

– Никого нигде! – донесся голос бортинженера по рации. –

И посадочный модуль на месте! Один из.

– Мистика какая-то, – сказал врач.

– Вода! Вода! – ликующе заорал Ашот. – Тут вода!

– Много? – обрадовался Николай.

– Тонны две, как минимум! Замерзла, емкость раздуло...

Ничего! Мы ее согреем теплом наших сердец!

«Чучело!» – улыбнулся командир, а вслух сказал:

– Двигайся ко мне, я у командного отсека. Это рядом с жилым! Вот что... Захвати баллон с ксеноном, я там где-то видел.

– Чичас!

Оба космонавта слетелись в тесный жилой отсек, к переборкам которого были пристегнуты спальники.

Воронин приблизился к запертому люку в рубку и попробовал отпереть его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.